

З. В. Кириллюк, доц., О. К. Супронюк, учитель,
Киевский университет

Роман В. Нарезного «Бурсак» в контексте литературного движения начала XIX века

Исследователи литературного процесса начала XIX в. отмечали, что В. Нарезный стоял «в стороне от шумной борьбы литературных направлений эпохи» [19, с. 9]. Впервые высказанная в принципе верная мысль о том, что В. Нарезный в условиях борьбы разных литературных лагерей начала XIX в. «не примкнул ни к одному из них и продолжал идти своим путем» [3, с. 15], была позже принята другими исследователями. Вследствие этого связь В. Нарезного с литературной эпохой рассматривалась преимущественно с точки зрения его творческого вклада в развитие жанров, тем, метода [13; 16; 18; 19; 23; 24]. Между тем при всей обособленности позиции этого писателя в литературной борьбе его творчество откликалось на актуальные проблемы общественного развития, играло значительную роль в эволюции эстетической мысли.

Творчество В. Нарезного органично воплотило в себе и опыт сатирической литературы XVIII в., и новейшие тенденции, вызванные к жизни ростом народного самосознания. Этим и определялась роль писателя, который, по выражению Н. А. Добролюбова, «опередил свой век в истинном понимании значения романа, он предупредил Гоголя со всей новейшею натуральною школою в простом безыскусственном изображении природы и русского быта» [11, т. 1, с. 97].

Продолжая традицию авантюрного романа, В. Нарезный строит сюжет «Бурсака» в соответствии с характерными для этого жанра требованиями. Повествование ведется от имени героев, событийную канву составляет цепь похождений с постоянной сменой места и окружения, с обычными переживаниями, неузнаваниями, нападениями разбойников, чудесными избавлениями и раскрывающейся в конце тайной высокого происхождения гонимого героя. Однако эти особенности поэтики романа не исчерпывают и не определяют его художественное своеобразие — в нем отчетливо проявляется свойственный литературе того времени интерес к истории и быту народа, в частности украинского.

Роман «Бурсак» принципиально новое явление и в сравнении с ранними опытами М. Чулкова [28], и более поздними произ-

ведениями Ф. Булгарина [5], и А. Вельтмана [6]. Новаторство и своеобразие романа В. Нарезного в значительной степени определяется тем, что создан он на историческом и бытовом украинском материале. Герой утрачивает черты обычного пикаро; влияние среды на личность рассматривается глубже — автор пытается учитывать исторические и социальные обстоятельства, формирующие характер.

В художественной интерпретации исторических и этнографических материалов явственно сказываются новые в литературе 20-х годов XIX в. веяния. В. Нарезный обращается к проблемам, которые волнуют передовую общественность, в частности писателей декабристского круга, но находит свой путь их решения.

В условиях борьбы за самобытность и народность литературы создание романа на материале украинского быта и истории было откликом на самые живые потребности времени. Не случайно, сообщая о выходе произведения В. Нарезного, А. Измайлов подчеркнул соответствие некоторых его особенностей требованиям романтизма: «... в этом истинно самом лучшем у нас и, можно сказать, историческом романе — изъяснимся языком наших романтиков — очень много местности и народности» [4, с. 216].

Осмысление В. Нарезным истории представляет интерес не только для выяснения художественных особенностей романа, но и для исследования эволюции литературного процесса тех лет. Изучение творческой концепции писателя необходимо для решения актуальных проблем современного литературоведения. В последние годы правомерно поднимается вопрос о неразработанности проблемы историзма в литературе допушкинского периода, подчеркивается необходимость «исследовать проходивший на протяжении полувека (до пушкинского «Бориса Годунова») сложный, противоречивый, но нацеленный на будущее процесс выработки нового понимания истории, в ходе которого история начинала открывать тайны своего развития» [20, с. 4].

В начале XIX в. характерный для литературы предшествующего периода способ отражения истории вызывал ироническое отношение. А. Тургенев писал о трагедии А. Сумарокова «Дмитрий Самозванец»: «Если бы во время представления «Дмитрия Самозванца» восстал бы из гроба сам Дмитрий, думаю, он долго бы забавлялся сим зрелищем, не отгадывая, что оно значит, если бы не услышал наконец своего имени» [27, с. 44—45].

Вопрос о методе художественного осмысления истории в первой четверти XIX в., как и в предыдущий период, оставался нерешенным и порождал немало споров и противоречивых суждений. При всем различии способов интерпретации истории общей особенностью литературы допушкинского периода была условность историзма — шел процесс накопления опыта, обобщенного впоследствии А. Пушкиным.

Еще до того как в России широкую популярность приобрели исторические романы Вальтера Скотта, В. Нарезный ищет свой способ творческого использования истории. В поисках путей

достижения исторической «верности» он затрагивает проблемы, которые ставились в русской и мировой литературе до него. Создавая образ украинского гетмана, В. Нарезный пытается избежать противоречия между историческим фактом и вымыслом таким способом, который в свое время казался рациональным Г. Э. Лессингу. Отстаивая необходимость воссоздавать в литературных образах исторических лиц их реальные характеры, он утверждал, что, если писатель «берет иные характеры, а не исторические... то не должен брать и исторических имен. Лучше приписывать известные нам поступки совершенно неизвестным личностям, чем навязывать несоответствующие характеры личностям известным» [15, с. 430].

Вводя образ украинского гетмана в ситуацию авантюрного романа, В. Нарезный вымышленным именем — Никодим — подчеркивает, что не претендует на историзм образа. В то же время упомянутые исторические события недвусмысленно указывали на эпоху Богдана Хмельницкого. Неприятие обычной в то время фетишизации исторического имени автором исторического романа стимулировало новые творческие искания. Это обстоятельство игнорировала последующая критика. Считая роман В. Нарезного примером бесцеремонного обращения с историей, А. Скабичевский писал: «Из некоторых мест романа видно, что дело происходит в половине XVII столетия как раз в эпоху присоединения Малороссии к Великороссии... Кто же мог быть этот гетман? Конечно, Богдан Хмельницкий. И вдруг он оказывается Никодимом, отцом преступной дочери Евгении и дедом героя романа Неона» [23, с. 659]:

Необычным для русской литературы 20-х годов XIX в. было обилие и характер зарисовок украинского быта в романе. В. Нарезный открыл новые перспективы изображения украинской действительности в сравнении с произведениями В. Измайлова, П. Шаликова, И. Кулжинского [12; 14; 29], которые представляли Украину благодатным краем, где первозданная красота природы сочетается с чистотой чувств ее обитателей. Новые потребности, сформулированные в призывах изображать характер, быт, обычаи народа, обусловили неудовлетворенность идеализированными картинами сентиментальных путешественников.

В. Нарезный идет дальше своих современников в изображении народного быта, однако своеобразие его интерпретации характерного для романтизма положения вызывало двойственное отношение к новаторству писателя. Пропагандисты бытописательства не скрывали, что «низкие» картины народной жизни в романе «Бурсак» оскорбляют их эстетическое чувство, хотя и отмечали, что в произведении «заслуживают особенное внимание черты малороссийского быта и старинных обычаев того края» [26, с. 38]. В положительном отзыве П. Вяземского звучит укор в том, что В. Нарезный «не берется быть живописцем природы изящной, а сбивается больше на краски Теньера или Гогарта» [7, с. 204]. Более резко о том же писал А. Дельвиг:

«Нарежный был Теньер, и еще русский Теньер... романы Нарежного обдают нас «варенухой», и куда автор ни вводит нас, а все кажется, не выходишь у него из корчмы» [10, с. 128].

Одну из причин такого восприятия отметил В. Белинский; он писал, что романы В. Нарежного явились «в такое время, когда еще публика не была в состоянии оценить их, и лучшие юмористические очерки характеров и сцен простонародного быта называла сальностями» [2, с. 53]. Другой причиной была непоследовательность эстетической позиции романтиков в вопросе бытописательства. Определенную роль сыграла и подчеркнутая натуралистичность изображения быта у В. Нарежного, которой впоследствии удается избежать Н. Гоголю.

На раннем этапе становления русской прозы для ее развития большое значение имели поиски средств раскрытия внутреннего мира героев, создания исторически и социально детерминированных характеров. В условиях неразвитости прозы образы героев романа В. Нарежного казались современникам оригинальными и мастерски изображенными. «Благонамеренный» писал: «Любители приятного чтения найдут здесь весьма занимательные происшествия и необыкновенные характеры, мастерски изображенные верным наблюдателем» [4, с. 216]. На характеры обращает внимание и «Сын отечества»: «Действие сей повести происходит в Малороссии в конце XVII века. Характеры лиц, обычай, подробности и пр. в точности сообразованы с обстоятельствами того времени и того края» [26, с. 37].

Закономерно, что в последующие десятилетия очевидной стала «бедность внутреннего содержания» [1, с. 564], упрощенность психологических характеристик героев, мотивировка действий которых сводится к простейшей гамме чувств и желаний. Проявляя историзм литературно-критического мышления, И. Гончаров видел причину слабости психологического анализа у В. Нарежного в том, что в его время «не могли идеи выработаться в характеры по отсутствию явившихся у нас впоследствии новых форм и приемов искусства» [8, т. 8, с. 475].

В процессе поисков «новых форм» определенную роль сыграл и роман В. Нарежного. Несмотря на то что писатель, как и его предшественники, понимает связь характеров и формирующих его обстоятельств в духе просветительских идей — прямолинейно, как «заранее предопределенное, запрограммированное развитие характера, без учета противоречивости и сложности отношений человека с окружающей его... средой» [22, т. 1, с. 104], и не включает бытовой материал в круг средств, определяющих «эстетическую интерпретацию личности» [9, с. 145], все же нельзя согласиться с мнением Н. Степанова, что картины исторического быта у В. Нарежного — «условная декорация для развития авантюрного сюжета» [25, с. 26]. В романе «Бурсак» ощущается стремление изобразить человека в соответствии с историческими и социальными условиями его жизни. Автор переносит действие из одного века в другой (из бурсы конца XVIII — начала XIX в. в Запорожскую Сечь и Батуриин XVII в.) и стара-

ется в психологии героев отразить черты, обусловленные исторической и социальной средой.

В традиционном конфликте авантюрного романа В. Нарезный подчеркивает социальную мотивировку: в основе конфликтной ситуации лежит препятствие счастью влюбленных из-за имущественного и сословного неравенства. Гетман не желает выдать дочь за сына полковника и хочет видеть своим зятем литовского князя, пан Истукарий яростно сопротивляется браку дочери с «бурсаком безродным» [17, с. 195].

Оставаясь верным традиции, В. Нарезный пытается преодолеть характерную для своего времени прямолинейность представлений о взаимодействии характеров и обстоятельств. Писатель иногда обращается к типичным для литературы предшествующих веков немотивированным превращениям героев (например, Сарвил), но в романе уже явно ощущается стремление отразить зависимость характера от социального окружения. Мотивировано возникновение плутовских черт под воздействием бурсацкого быта и формирование не характерных для героя авантюрного романа качеств в условиях борьбы за общенациональные интересы. Социально и психологически мотивированы поступки и чувства пана Истукария — он впадает в бешенство от мысли, что дочь его может стать женой Неона, и готов «обоих низвергнуть в пропасть бедствия» [17, т. 2, 202], но, узнав о высоком происхождении жениха, внезапно превращается в заботливого отца. Подобные опыты социально-психологической мотивировки чувств и поступков героев были важной вехой на пути формирования реалистических принципов построения литературного характера.

Одной из важнейших проблем становления и эволюции русской прозы в первой четверти XIX в. было развитие художественных средств раскрытия внутреннего мира героев. Сообщения о чувствах и настроениях героя-рассказчика, характерные для лирики, использовались как одно из основных средств психологической характеристики и в прозе. Но с ее развитием все острее ощущалась необходимость поисков новых изобразительных средств. А. Пушкин придавал большое значение умению показать объективное выражение скрытых психических процессов и отмечал, что «писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей» [21, с. 170].

Изобразительные средства в романе В. Нарезного с одной стороны соответствуют уровню развития прозы тех лет; с другой — автору не чужды творческие искания в области художественной формы. В соответствии с организацией системы повествования герой сам говорит о своих чувствах, но, в отличие от традиции романтической поэмы, в которой этот принцип получил наиболее полное воплощение, сообщения его лаконичны. Небогат «набор» эмоций, еще более скупы изобразительные средства: «Я крайне рассердился», «родилась во мне мысль о мщении», «мне крайне страшно было отважиться на такое дело», «у меня отлегло от сердца» [17, т. 2, с. 27—29]. Стараясь углубить психологию

ческую характеристику, автор обращается к средствам внешнего проявления эмоций: Неон дрожит от страха, слезы «льются по лицу», слеза «падает на щеку» [17, т. 2, с. 37, 45]. Упрощенность психологических портретных деталей соседствует с театральностью жеста — «Мемнон сильно ударил себя в лоб кулаком и, сказав страшным дребезжащим голосом «побудь здесь и жди меня!», быстро вышел» [17, т. 2, с. 44]. Но в отдельных описаниях автор находит естественный тон и убедительные детали, например, замечание о дрожащей руке, которая выдавала волнение матери в сцене встречи с сыном. В 30-е годы XIX в. принцип внешнего выражения чувств героев получил широкое развитие и способствовал расширению возможностей психологического анализа.

В романе «Бурсак» предпринята и попытка индивидуализации речи героев. В сцене в саду резко контрастирует речевая манера злого бурсака Сарвила и нежных влюбленных Леонида и Евгении. Грубость Сарвила подчеркивается особенностями лексики, интонационным строем речи, динамичностью, отрывистостью фраз: «Кой черт, — сказал во гневе Сарвил... Сейчас спусти веревку, или я тебя.. Постою же, бездельник, — проворчал он, — дай мне до тебя добраться; чуб твой не чуб и пучок не пучок» [17, т. 2, с. 28]. Расслабленность и нежность иллюстрирует речь измученных беглецов: «Нет сил более, любезный Леонид», — жалуется Евгения. Он отвечает ей «страстным голосом»: «Любезная Евгения... съешь хотя одно яблоко с сего дерева, и оно подкрепит твои силы» [17, т. 2, с. 28—29].

Проблемы, намеченные в романе В. Нарезного, способы решения поставленных автором задач свидетельствуют о глубоком осмыслении им ведущих тенденций литературного развития. Несмотря на отмеченную исследователями обособленность позиции и своеобразие литературного пути писателя, его творчество сыграло большую роль в процессе демократизации литературы, способствовало развитию принципов изображения исторических фактов и лиц, утверждению народности литературы.

Отмеченные особенности создания литературных характеров, творческого осмысления исторических и этнографических материалов в романе В. Нарезного свидетельствуют о стремлении писателя преодолеть трафаретность характеристик в поисках новых путей создания исторически и социально детерминированных характеров. Значение этих попыток было не столько в художественных достижениях самого писателя, сколько в том, что им намечены пути дальнейшего развития литературы. Это и дало основание В. Белинскому назвать его «родоначальником русских романистов» [1, с. 564].

Список литературы: 1. *Белинский В. Г.* Русская литература в 1841 году. — Полн. собр. соч. В 13-ти т. М., 1954, т. 5, с. 521—588. 2. *Белинский В. Г.* Русская литература в 1843 году. — Полн. собр. соч. В 13-ти т. М., 1955, т. 8, с. 45—100. 3. *Белозерская Н. А.* Василий Трофимович Нарезный. Спб., 1896. 268 с. 4. *Благонамеренный.* 1824, ч. 27. 414 с. 5. *Булгарин Ф. В.* Иван Выжигин. Спб., 1825, ч. 1—4. 884 с. 6. *Вельтман А. Ф.* Приключения, почерпнутые из моря житейского. М., 1957. 576 с. 7. *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. В 12-ти т. Спб., 1878—1896. 355 с. 8. *Гончаров И. А.* Собр. соч. в 8-ти т. М.,

1955. 576 с. 9. *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. 413 с. 10. *Дельвиг А. А.* Соч. Спб., 1893. 171 с. 11. *Добролюбов Н. А.* О русском историческом романе. — Собр. соч. В 9-ти т. М.; Л., 1961, с. 89—98. 12. *Измайлов В. В.* Путешествие в полуденную Россию. М., 1805. 532 с. 13. *Крестова Л. В.* Відображення колішщини в російській літературі. — Радянське літературознавство, 1957, № 19, с. 29—40. 14. *Кулжинский И. Г.* Малороссийская деревня. М., 1827. 136 с. 15. *Лессинг Г. Э.* Гамбургская драматургия. М.; Л., 1936. 455 с. 16. *Михед П. В.* На путях к историческому роману. — Новые формы в литературе и литературной критике. К., 1979, с. 35—50. 17. *Нарежный В. Т.* Избр. соч. В 2-х т. М., 1956. 616 с. 18. *Островская Н. К.* Украина в творчестве В. Т. Нарезного. — Тр. Одесск. ун-та, 1960, вып. 150, № 4, с. 77—87. 19. *Переверзев В. Ф.* У истоков русского реалистического романа. М., 1965. 216 с. 20. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII — начало XIX века. XVIII век. Л., 1981, сб. 13. 290 с. 21. *Пушкин А. С.* Опровержение на критики. — Полн. собр. соч. В 10-ти т. М.; Л., 1949, т. 7, с. 166—198. 22. Развитие реализма в русской литературе. В 3-х т. М., 1972. 348 с. 23. *Скабичевский А.* Наш исторический роман в его прошлом и настоящем. — Соч. В 2-х т. Пб., 1890, т. 2, с. 654—663. 24. *Соколов Ю. В. В. Т. Нарезный.* Беседы, вып. 1. М., 1915, с. 77—109. 25. *Степанов Н. Л.* Романы Нарезного. — В кн.: Нарезный В. Т. Избр. соч. В 2-х т. М., 1956, т. 1, с. 5—40. 26. Сын отечества, 1824, ч. 97. 288 с. 27. *Тургенев А. И.* Речь о русской литературе. — Литературная критика 1800—1820-х годов. М., 1980, с. 44—47. 28. *Чулков М. Д.* Пригожая повариха или похождения развратной женщины. Спб., 1770. 109 с. 29. *Шаликов П. И.* Путешествие в Малороссию. М., 1803. 249 с.

Статья поступила в редколлегия 20.03.83

В. П. Казарин, доц.,
Симферопольский университет

Вопросы просветительской социологии и проблема художественного метода петербургских повестей Н. В. Гоголя

В спорах последних лет о романтизме и реализме все большее число исследователей разделяет выдвинутое в свое время Г. А. Гуковским положение, согласно которому ключевым для решения проблемы художественного метода писателя является вопрос социальности. Существо реалистического «стиля» ученый видит в «социальном обосновании человека», которое, подчеркивает он, не свойственно романтизму [4, с. 6; см. также: 9, с. 273; 7, с. 47; 5, с. 10]. Сегодня это общее положение конкретизируется и подтверждается на самом разнообразном материале более частных проблем, касающихся границ двух методов [3, с. 35].

Вместе с тем настойчивое изучение проблем романтизма и реализма довольно скоро обнаружило необходимость какой-то дополнительной дифференциации самого принципа «социальности». Показательно, например, что участники дискуссии о романтизме Н. В. Гоголя на страницах «Русской литературы», теоретически одинаково признавая важность этого принципа, практически оказались на прямо противоположных позициях в понимании конкретных проблем гоголевского творчества [6; 8].